

between two objects which in principle are not related, it is an unexpected and verbalized analogy. The expressiveness and originality of metaphors is determined by their ability to link heterogeneous concepts. The traditional view of the poetic metaphor as an artistic trope only has been modified in favour of the cognitive approach suggesting that the metaphor is a method of forming the conceptual sphere of the author. Specifically, the interpretation of metaphors is supposed to depend on a historic perspective.

One of the propositions of the cognitive theory suggests that the metaphor shapes the concept which may be given different interpretations by an individual attempting to interpret this concept, because the concept represents a dynamic combination of individual views on the reality. Since the dynamics of perception contains chronological, psychological and social aspects, a cognitive approach to studying metaphors opens interdisciplinary horizons. The analysis of metaphors used in poetic discourse following a cognitive approach allows us to present the metaphor as a method to visualize a linguistic image of the world and design ways for its interpretation from semantic, syntactic and pragmatic perspectives.

The creative genius of V. V. Mayakovsky gives birth to a poetic metaphor discourse and not just a metaphor within a text.

Key words: poetical discourse, metaphor, function, concept, Mayakovsky.

Статью отримано 12.09.2013 р.

УДК 811.161.1'42'373.23 Маяковский

ЛАППО Марина Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»; Новосибирск, Россия;
e-mail: lama2046@yandex.ru; тел.: +7(383)341-54-84; моб.: +7-913-753-9991

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ И ПРОЗАИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ В. МАЯКОВСКОГО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируется динамика личностного самосознания и самовыражения Владимира Маяковского на разнородном материале 1913—1930 г.г. (поэтические тексты, эссе, заметки, выступления). К анализу междисциплинарных явлений идентичности и вербальной самоидентификации привлекаются лингвистические инструменты: категории *выражения* и *описания* внутреннего мира человека, понятия языковой референции, типа дискурса, речевого действия, *конструирования* и *отражения* действительности, типа номинации. Автор приходит к выводу о том, что поэтический дискурс обладает не меньшим, по сравнению с прозаическим текстом, потенциалом отражения идентичности говорящего. Отчасти это объясняется стремлением Маяковского к отождествлению со своим лирическим героем. Другим доводом является отмеченная Г.-Г. Гадамером специфическая особенность поэтического высказывания к «приросту бытия», а также, по О. Г. Ревзиной, его способность к «исключительно глубокому познанию мира». Сходство поэтической и прозаической самоидентификации у В. Маяковского заключается в постоянном поиске себя, непрерывной смене номинаций, отражающей динамику его личностного самосознания. Различие самоидентификации в разных типах дискурсов связано с направленностью на разные виды идентичности. Самоидентификация в поэтической речи В. Маяковского выполняет функцию конструирования личностной идентичности, а самоидентификация в прозе конструирует его социальную идентичность.

Ключевые слова: самоидентификация, самономинация, поэтический дискурс, прозаический дискурс, Маяковский.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-54-00005 «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности».

Тема данной статьи связана с двумя спорными вопросами современной лингвистики: во-первых, с возможностью собственно лингвистического анализа феноменов идентичности и самоидентификации, во-вторых, с возможностью выражения и/или конструирования идентичности автора в поэтическом тексте.

Самоидентификация в данной работе не отождествляется с идентичностью, как это принято в ряде исследований (напр.: «Термины «самоидентификация», «самосознание», «личностная идентичность» тесно связаны, имеют инвариантное начало, поэтому будут использоваться нами как синонимы» [14]). Напротив, эти термины разводятся, а самоидентификации придаётся статус специфического речевого действия, процесса, в ходе которого выражается или конструируется идентичность. Все виды идентичности – психофизиологическая, социальная и личностная [3] могут так или иначе отражаться в речи. Однако в дискурсе наиболее выпукло актуализируется социальная идентичность. Социальная идентичность — принадлежность, стремление к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей. Под самоидентификацией мы понимаем вербальное действие выражения или описания идентичности говорящего субъекта. Цель данного действия — обозначить, сформировать и утвердить своё место в совокупности всех людей: выделить себя из массы и/или приписать себя к своей референтной группе. Референтная группа, в свою очередь, это социальная общность (воображаемая или реальная) людей, служащая для субъекта источником ценностей и норм, членом которой он состоит или желает оказаться; это некие важные, авторитетные люди, на мнение которых субъект, как правило, опирается в своей жизнедеятельности.

Конструкционизм критически относится к репрезентационному потенциалу речевых актов самоидентификации. Так, Л. В. Енина и Э. В. Чепкина считают, что говорящий субъект, не имея устой-

чивой идентичности, не может репрезентировать в речи «свойственную» ему идентичность, он может установить ее в ходе дискурса: «Идентичность субъекта возникает в дискурсе и, соответственно, всякое высказывание субъекта есть совершение действия по установлению собственной идентичности»; «идентичность есть всякий раз промежуточный результат непрерывного процесса идентификации посредством использования дискурсивных практик» [2, с. 160]. Соглашаясь в целом с таким мнением, заметим, что ответ на вопрос, выражает или конструирует идентичность вербальная материя, не является для лингвистики принципиальным: речь говорящего *и конструирует* (=приписывает смыслы), *и выражает идентичность* (как язык способен выражать нечто внутреннее, например, эмоции) одновременно. Не вызывает сомнения, что и для конструирования идентичности, и для ее выражения нужны внешние, материально закрепленные ресурсы (языковые средства, одежда, жесты, позы, мимика), которые и нуждаются в семиотическом исследовании. Языковедческая проблематика самоидентификации лежит не только в области выбора одного из двух исследовательских подходов к соотношению языка и идентичности — языка как средства репрезентации идентичности или языка как средства ее создания (об этих подходах см., в частности, в [7; 8]). Ср. характерную идею Р. Павилениса о том, что язык фиксирует и процесс, и результат посредством одних и тех же знаков [9, с. 201].

В своей работе мы будем опираться на идею сочетания эссенциалистского и постструктуралистского (конструкционистского) подходов к идентичности. Так, Т. А. Юдина предлагает «рассмотреть эти подходы не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие, как различные, последовательные этапы в исследовании феномена идентичности и процесса идентификации, которые не могут существовать без идей каждого из них» [12, с. 11]. Е. В. Ощепкова также настаивает на необходимости создания *общей модели* идентичности, включающей достижения представителей разных школ и направлений [8].

Привлекая и психосоциальное понимание самоидентификации как процесса и как маркера идентичности, и собственно лингвистические ресурсы, которые можно использовать в изучении идентичности и самоидентификации, приходим к тому, что *самоидентификация* — это осознанное либо неосознанное вербальное, пара- и невербальное маркирование идентичности, т. е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей. Задачей же лингвиста является поиск и анализ участков языковой системы, отвечающих за структурирование дискурсов идентичности.

Безусловно, идентичность субъекта по-разному отражается в поэтическом и прозаическом дискурсах. Так, О. Г. Ревзина, указывая, что «для лингвиста поэтический текст есть своеобразный вызов» [10, с. 418], пишет: «Отсутствие первичной соотнесенности с внеязыковым миром является неустрашимой чертой стихотворного текста. Стихотворные высказывания как будто лишены основного механизма, обеспечивающего связь с внеязыковым миром» [10, с. 421; выделено нами. — М. Л.]. И далее: «<...> прозаическая форма указывает на модус внеязыкового существования означаемого, а стихотворная форма — на модус собственно языкового существования» [10, с. 425]. В связи с этим нет и прямой соотнесенности стихотворного текста и автора, текста и идентичности автора стихотворения. Ср. мнение М. М. Бахтина: «С первого же взгляда ясно, что здесь [в поэтическом произведении. — М. Л.] слово не находится и не может находиться в такой же тесной зависимости от всех моментов внесловесного контекста, от всего непосредственно видимого и известного, как в жизни [1, с. 158].

Однако стихотворные произведения В. Маяковского не лишены связи с внеязыковым миром. Для него характерна высокая степень отождествления себя со своим лирическим героем: одно из самых ярких и ранних известных его первых произведений — цикл «Я», его автобиография называется «Я сам», главным действующим лицом трагедии «Владимир Маяковский» является именно он, в других поэтических текстах также присутствуют явные указания на личность автора (имя, адрес и т. д.).

Возможность использовать в одном контексте как поэтические, так и прозаические произведения обусловлена заявленным отношением к творчеству у В. Маяковского: «Мы развеяли старую словесную пыль, используя лишь железный лом старья. Мы не хотим знать различия между поэзией, прозой и практическим языком. Мы знаем единый матерьял слова и пускаем его в сегодняшнюю обработку» (Наша словесная работа. 1923 г.). Маяковский стирает различия между разными способами организации речи. М. Ю. Маркасов пишет: «Как раз наличие авторской рефлексии позволяет использовать обозначение рефлексии и при описании поэтических текстов, тем более поэтических текстов XX века, эпохи, когда происходит размывание жанровых, стилевых и даже родо-видовых границ, наблюдается диффузия прозы и поэзии, и в последней активно начинают появляться вербальное осмысление вопросов её бытия, создания, конструирования» [6, с. 13]. Последнее замечание также позволяет использовать поэтический материал как источник личностной рефлексии автора, который, если не идентичен лирическому герою, но очень близок к нему.

Другим важным основанием для включения поэтической речи в анализ личности автора является утверждение о том, «поэтическое мышление дает нам исключительно глубокое познание мира» [10, с. 423], более того, по Г.-Г. Гадамеру, поэтическое высказывание — особый вид мира, в котором «...происходит *прирост бытия*» (цит. по: [10, с. 431]; выделено нами. — М. Л.). М. М. Бахтин так продолжает свои рассуждения о специфике поэтического произведения: «На самом же деле и поэтическое произведение тесно вплетено в невысказанный контекст жизни. <...> Ведь поэт выбирает слова не из словаря, а из жизненного контекста (видимо, из *своего* жизненного контекста), где они отстоялись и пропитались оценками» [1, с. 159]. Поэтому именно поэтическая речь обладает колоссальным ресурсом выражать/конструировать личностную идентичность автора.

Самым ярким средством поэтического самообозначения лирического героя Маяковского является метафора. Метафоры Маяковского — яркие, сильные, необычные, сверхэкспрессивные, их более чем другие авторские метафоры характеризует следующее замечание: «Метафора является одним из основных способов выражения авторского сознания и формирования основ поэтики» [6, с. 11]. М. Ю. Маркасов предлагает классификацию масок-самообозначений лирического героя Маяковского, которые, как правило, метафоричны: а) «сакральные маски» (*13-й апостол, Заратустра, Христос, ангел, предтеча, блаженнейший, глашатай грядущих правд*); б) «низовые маски» (*площадной сутенёр, карточный шулер*); в) «поливариантные маски», маркирующие непохожесть на других (*облако в штанах, жилистый громадина, глыба, петух голландский, король псковский, царь ламп*); г) «поэтические маски» (*последний поэт, замечательный поэт, граненых строчек белый алмазник*) [6, с. 40].

Наряду с выделенными «масками» следует обратить внимание на группу дореволюционных самообозначений, которые можно назвать метафорами «обнажения», метафорами «выворачивания наружу души», подчеркивающими некую «огромность» его самосознания, его Я:

Мы завоеваны! / Ванны. / Души. / Лифт. / Лиф души расстегнули (Из улицы в улицу. 1913 г.). [Тексты здесь и далее цитируются по изданию: *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Худож. лит., 1955—1961.];

Вам ли понять, / почему я, / спокойный, / насмешек грозю / душу на блюде несу / к обеду идущих лет (Владимир Маяковский. 1913 г.);

Грядущие люди! Кто вы? / Вот я — весь боль и ушиб. / Вам завещаю я сад фруктовый / моей великой души (Ко всему. 1916 г.);

Нежны! / Вы любовь на скрипки ложите. / Любовь на литавры ложит грубый. / А себя, как я, вывернуть не можете, / чтобы были одни сплошные губы! / ... И чувствую — / «я» / для меня мало. / Кто-то из меня вырывается упрямо (Облако в штанах. 1914—1915 г.г.);

Я сегодня буду играть на флейте. / На собственном позвоночнике (Флейта-позвоночник. 1915 г.);

Милостивые государи! / Понимаете вы? / Боль берешь, / растишь и растишь ее: / всеми пиками истыканная грудь, / всеми газами свороченное лицо, / всеми артиллериями громадная цитадель головы — / каждое мое четверостишие (Война и мир. 1915—1916 г.г.).

Кроме метафор зрительного внешнепня души в ранних стихах встречаются описания экзотичности лирического героя, демонстрирующей его одиночество, неприкаянность:

А если сегодня мне, грубому гуину, / кривляться перед вами не захочется... (Нате! 1913 г.);

Вот иду я, / заморский страус, / в перьях строф, размеров и рифм (Россия. 1916).

Лирический герой и автор на протяжении всего творческого пути как бы бесконечно примеряют разные образы, подыскивают новые сравнения и обороты речи, как бы надевая всё новые и новые маски. М. А. Чернякова считает, что «использование В. Маяковским различных, порой эпатажных и экзотических масок для своего лирического героя парадоксальным образом не противоречит главной цели и надежде поэта: стремлению к избавлению от масок как лирического героя, так и окружающих» [11, с. 236]. Действительно, надевание новой маски означает снятие старой и избавление от надуманного и несвойственного образа. Поэтому такой процесс (надевание и снятие вычурных масок, примеривание необычных образов) можно отнести к поиску личностной идентичности. Попытка обозначить, номинировать свой образ посредством метафоры соотносима с категорией косвенного эксплицитного описания идентичности [подробнее см.: 4; 5].

Поиски самообозначений у Маяковского в прозаических текстах — эссе, записках, заметках, выстулениях — также многочисленны:

Я — нахал <...>. Я — циник <...>. Я — извозчик <...>. Я — рекламист, <...> Таков вот есть Владимир Владимирович Маяковский, молодой человек двадцати двух лет <...> Так, пожалуйста, изругав нахала, циника, извозчика двадцати двух лет, прочтите совершенно незнакомого поэта Вл. Маяковского (0 разных Маяковских. 1915 г.);

Знайте, нашим шеям, шеям Голиафов труда, нет подходящих номеров в гардеробе воротничков буржуазии (Открытое письмо рабочим. 1918 г.);

Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом (Я сам. 1922—1928 г.г.);

Для нас, мастеров слова России Советов, маленькие задачки чистого стиходелания отступают перед широкими целями помощи словом строительству коммуны (До. 1923 г.);

Мы не жрецы-творцы, а мастера-исполнители социального заказа (Наша словесная работа. 1923 г.).

В. Маяковский известен прежде всего как поэт-футурист. Номинация «футурист» вначале плохо принимается Маяковским, затем эксплуатируется, а впоследствии заменяется новыми обозначениями. Проследим динамику самономинации в области художественных движений:

Говорят, что я футурист? Что такое футурист? Не знаю. Никогда не слышал. Не было таких. <...> Футуристами нас окрестили газеты. Впрочем, ругаться не приходится. Смешно! Если б Вавила кричал: «Отчего я не Евгений?» Какая разница?! Футуризм для нас, молодых поэтов, — красный плащ торадора, он нужен только для быков (бедные быки! — сравнил с критикой) (И нам мяса! 1914 г.);

В этой книге все сочиненное мною за десять лет: и вещи получившие право на отдельный оттиск и мелочи, ссоренные газетами и альманасами. Нами, футуристами, много открыто сло-

весных Америк, ныне трудолюбиво колонизируемых всеми даже благородно шаржающимися от нас писателями. (Любителям юбилеев. 1919 г.);

Октябрь очистил, оформил, реорганизовал. Футуризм стал левым фронтом искусства. Стали «мы» (За что борется Леф? 1923 г.);

Товарищи по Лефу! Мы знаем: мы, левые мастера, мы — лучшие работники искусства современности (Кого предостерегает Леф? 1923 г.);

Мы, лефы, никогда не говорим, что мы единственные обладатели секретов поэтического творчества. Но мы единственные, которые хотят вскрыть эти секреты, единственные, которые не хотят творчество спекулятивно окружить художественно-религиозными поклонениями (Как делать стихи? 1926 г.);

Товарищи! Мы были Леф, мы стали Реф. Мы объявляем себя новым объединением, новым отрядом на фронте культуры (Товарищи! 1929 г.).

Помимо собственно номинаций (поэт, рекламист, футурист, левый мастер, Леф, Реф и др.), следует обратить внимание и местоименную референцию: Я дореволюционное заменяется послереволюционным коллективистским МЫ. Таким образом Маяковский намеренно или произвольно встраивает себя (своего лирического персонажа) в коллектив — как на уровне творческих группировок, так и на уровне целого государства.

В. Маяковский как поэт, писатель, художник, общественный деятель периодически подводит итоги: первое собрание сочинений «Все сочиненное Владимиром Маяковским. 1909—1919», двухтомное собрание сочинений «13 лет работы», выставка «20 лет работы Маяковского» (1930 г.) — причём сказать, что так обозначаются промежуточные итоги, нельзя; при жизни ожидает признания: «Я всегда думал, что Лубянский проезд, на котором «Новый Леф» и в котором я живу, назовут-таки в конце концов проездом Маяковского. Пока что выходит не так» (Записная книжка «Нового Лефа», 1927). Характерна фраза из «Предисловия к сборнику сценариев»: «За жизнь мною написано 11 сценариев» (1926—1927 г.г.). Все эти акты можно отнести к такой разновидности вербальной самоидентификации, как выражение профессиональной (и личностной) идентичности — к осознанию себя великим мастером слова, внесшим большой вклад в зарождающееся искусство новой страны.

Подведём итоги. Можно увидеть как сходство, так и различия поэтической и прозаической самоидентификации Маяковского. Сходство заключается в постоянном поиске себя, непрерывной смене номинаций, отражающей динамику его личностного самосознания. Возможно, именно в связи с этим Р. Якобсон, знавший его близко, отмечал, что «у него было действительно какое-то вечное отрочество, какое-то недожитое созревание» [13, с. 104]. Самоидентификация в поэтической речи В. Маяковского выполняет функцию конструирования личностной идентичности, а самоидентификация в прозе конструирует его социальную идентичность. Для реализации этих процессов привлекаются различные языковые ресурсы: в поэтическом дискурсе используются преимущественно метафорические образы, окказиональные и экзотические номинации, в прозаическом — номинативные имена существительные. Кроме описания идентичности автор использует ресурсы выражения своей профессиональной и личностной идентичности — переживания своей гениальности, уникальности своего дара и мастерства и, как следствие, своей персональной исключительности в мире людей.

Литература

1. Бахтин М. М. Слово в жизни и слово в поэзии / М. М. Бахтин / Антропологистика: Избранные труды. — М.: Лабиринт, 2010. — С. 145—168.
2. Енина Л. В. Самоидентификация журналиста в прямом эфире на радио / Л. В. Енина, Э. В. Чепкина // Изв. Урал. гос. ун-та. — 2010. — № 3(78). — С. 159—167.
3. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. — М.: Политиздат, 1984. — 336 с.
4. Лапко М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом / М. А. Лапко // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 372. — С. 28—32.
5. Лапко М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы / М. А. Лапко. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. — 180 с.
6. Маркасов М. Ю. Поэтическая рефлексия Владимира Маяковского в контексте русского авангарда: дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Маркасов. — Барнаул, 2003. — 206 с.
7. Матузкова Е. П. Идентичность и язык: проблематика изучения / Е. П. Матузкова // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвященных 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика: в 2 ч. / отв. сост.: В. В. Колесов, М. Вл. Пименова, В. И. Теркулов. — Изд. 2-е. — К.: ИД Дм. Бураго, 2013. — Ч. 1. — С. 343—351.
8. Ощепкова Е. С. Языковые основы идентичности / Е. С. Ощепкова // Жизнь языка в культуре и социуме-3 / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. — М.: Эйдос, 2012. — С. 420—422.
9. Павиленис Р. Смысл и идентичность, или Путь к себе / Р. Павиленис; пер. с лит. Р. Чичинскайте. — Вильнюс: ЕГУ, 2013. — 242 с.
10. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста / О. Г. Ревзина // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. ст. к юбилею Г. А. Золотовой / под ред. Н. К. Онипенко. — М.: УРСС, 2002. — С. 418—433.
11. Чернякова М. А. Разноликость лирического «Я» раннего В. Маяковского: маска лирического героя как форма протеста / М. А. Чернякова // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.: Ин-т археологии РАН, 2007. — Вып. XVIII. — С. 232—237.
12. Юдина Т. А. Социально-философский анализ роли языка в формировании идентичности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Юдина. — Новосибирск, 2013. — 34 с.
13. Якобсон Р. Будетлянин науки / Р. Якобсон // Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Р. Якобсон; сост. Б. Янгфельд. — М.: Гилей, 2012. — С. 15—112.
14. Ярина Е. С. Проблема самоидентификации личности и особенности поэтической системы в романах Е. Элинек 1975—1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Ярина. — Екатеринбург, 2011. — 22 с.
- * * *
15. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В. В. Маяковский; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Худож. лит., 1955—1961.

References

1. *Bakhtin M. M.* Slovo v zhizni i slovo v poezii / M. M. Bakhtin // *Antropolingvistika: Izbrannye trudy.* — M.: Labirint, 2010. — S. 145–168.
 2. *Yenina L. V.* Samoidentifikatsiya zhurnalista v pryamom efire na radio / L. V. Yenina, E. V. Chepkina // *Izv. Uralsk. gos. un-ta.* — 2010. — № 3(78). — S. 159–167.
 3. *Kon I. S.* V poiskakh sebya. Lichnost' i yeyo samosoznanie / I. S. Kon. — M.: Politizdat, 1984. — 336 s.
 4. *Lappo M. A.* Samoidentifikatsiya: pryamoe, kosvennoe eksplitsitnoe i kosvennoe implitsitnoe opisanie identichnosti govoryashchim subektom / M. A. Lappo // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* — 2013. — № 372. — S. 28–32.
 5. *Lappo M. A.* Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy / M. A. Lappo. — Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2013. — 180 s.
 6. *Markasov M. Yu.* Poeticheskaya refleksiya Vladimira Mayakovskogo v kontekste russkogo avangarda: dis. ... kand. filol. nauk / M. Yu. Markasov. — Barnaul, 2003. — 206 s.
 7. *Matuzkova Ye. P.* Identichnost' i yazyk: problematika izucheniya / Ye. P. Matuzkova // *Chelovek. Yazyk. Kultura: sb. nauch. st., posvyashchennykh 60-letnemu yubileyu prof. V. I. Karasika: v 2 ch. / otv. soored.: V. V. Kolesov, M. Vl. Pimenova, V. I. Terkulov.* — Izd. 2-e. — K.: ID Dm. Burago, 2013. — Ch. 1. — S. 343–351.
 8. *Oshchepkova Ye. S.* Yazykovye osnovy identichnosti / Ye. S. Oshchepkova // *Zhizn' yazyka v kulture i sotsiume-3 / otv. red. Ye. F. Tarasov.* — M.: Eydos, 2012. — S. 420–422.
 9. *Pavilenis R.* Smysl i identichnost', ili Put' k sebe / R. Pavilenis; per. s lit. R. Chichinskayte. — Vilnyus: YeGU, 2013. — 242 s.
 10. *Revzina O. G.* Zagadki poeticheskogo teksta / O. G. Revzina // *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta: sb. st. k yubileyu G. A. Zolotovo / pod red. N. K. Onipenko.* — M.: URSS, 2002. — S. 418–433.
 11. *Chernyakova M. A.* Raznolikost' liricheskogo «Ya» rannego V. Mayakovskogo: maska liricheskogo geroya kak forma protesta / M. A. Chernyakova // *Problemy istorii, filologii, kulture.* — M.: In-t arkhologii RAN, 2007. — Vyp. XVIII. — S. 232–237.
 12. *Yudina T. A.* Sotsialno-filosofskiy analiz roli yazyka v formirovani identichnosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / T. A. Yudina. — Novosibirsk, 2013. — 34 s.
 13. *Yakobson R.* Budetlyanin nauki / R. Yakobson // *Budetlyanin nauki: vospominaniya, pis'ma, stat'i, stikhi, proza / R. Yakobson; sost. B. Yangfeld.* — M.: Gileya, 2012. — S. 15–112.
 14. *Yarina Ye. S.* Problema samoidentifikatsii lichnosti i osobennosti poeticheskoy sistemy v romanakh Ye. Elinek 1975–1980-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Ye. S. Yarina. — Yekaterinburg, 2011. — 22 s.
- * * *
15. *Mayakovskiy V. V.* Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. / V. V. Mayakovskiy; AN SSSR, In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Khudozh. lit., 1955–1961.

Ляппо Марина Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри сучасної російської мови Новосибірського державного педагогічного університету; Новосибірськ, Росія;
e-mail: lama2046@yandex.ru; тел.: +7(383)341-54-84; моб.: +7-913-753-9991

САМОІДЕНТИФІКАЦІЯ В ПОЕТИЧНОМУ ТА ПРОЗОВОМУ ДИСКУРСАХ В. МАЯКОВСЬКОГО: ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. У статті проаналізовано динаміку особистісної самосвідомості і самовираження Володимира Маяковського на різноманітному матеріалі 1913–1930 рр. (поетичні тексти, есе, замітки, виступи). До аналізу міждисциплінарних явищ ідентичності і вербальної самоідентифікації залучаються лінгвістичні інструменти: категорії вираження і опису внутрішнього світу людини, поняття мовної референції, типу дискурсу, мовної дії, конструювання та відображення дійсності, типу номінації. Автор приходить до висновку про те, що поетичний дискурс володіє не меншим, порівняно з прозовим текстом, потенціалом відображення ідентичності мовця. Частково це пояснюється прагненням Маяковського до ототожнення зі своїм ліричним героєм. Іншим аргументом є зазначена Г.-Г. Гадамером специфічна особливість поетичного висловлювання до «приросту буття», а також, за О. Г. Ревзіною, його здатність до «виключно глибокого пізнання світу». Подібність поетичної та прозової самоідентифікації у В. Маяковського полягає в постійному пошуку себе, у безперервній зміні номінацій, що відображає динаміку його особистісної самосвідомості. Різниця самоідентифікації в різних типах дискурсів пов'язана зі спрямованістю на різні види ідентичності. Самоідентифікація в поетичному мовленні В. Маяковського виконує функцію конструювання особистісної ідентичності, а самоідентифікація у прозі конструє його соціальну ідентичність.

Ключові слова: самоідентифікація, самономінація, поетичний дискурс, прозовий дискурс, Маяковський.

Marina A. Lappo,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. at the Modern Russian Department of Novosibirsk State Normal University; Novosibirsk, Russia;
e-mail: lama2046@yandex.ru; tel.: +7(383)341-54-84; моб.: +7-913-753-9991

SELF-IDENTITY IN POETIC AND PROSAIC DISCOURSES OF MAYAKOVSKY: LINGUISTIC ASPECT

Summary. The article analyzes the dynamics of self-identity and self-expression of Vladimir Mayakovsky on dissimilar material of 1913–1930 (poetic texts, essays, notes, speeches). Analysis of interdisciplinary phenomena of identity and self-identification involved verbal linguistic tools: category and description of the expression of the inner world of man, the notion of linguistic reference, type of discourse, speech acts, construction and reflection of reality, type of nomination. The author concludes that poetic discourse reflects potential identity of the speaker no less than a prosaic text. This is partly explained by the desire of Mayakovsky to equate himself with his lyrical hero. Another argument is a specific feature of poetic expression to «the growth of self-being» marked by G.-G. Gadamer and also its ability to «exceptionally deep knowledge of the world» found by O. G. Revzina. The similarity of poetic and prosaic identity in the works of Mayakovsky is in constant search of himself, a continuous change of nominations, reflecting the dynamics of his personal identity. The difference in the different types of identity discourses is associated with the directions to different kinds of identity. Identity in poetic speech of Mayakovsky performs the function of constructing personal identity and self-identity while in prose it constructs his social identity.

Key words: identity, self-nomination, poetic discourse, prose discourse, Mayakovsky.

Статтю отримано 6.12.2013 р.